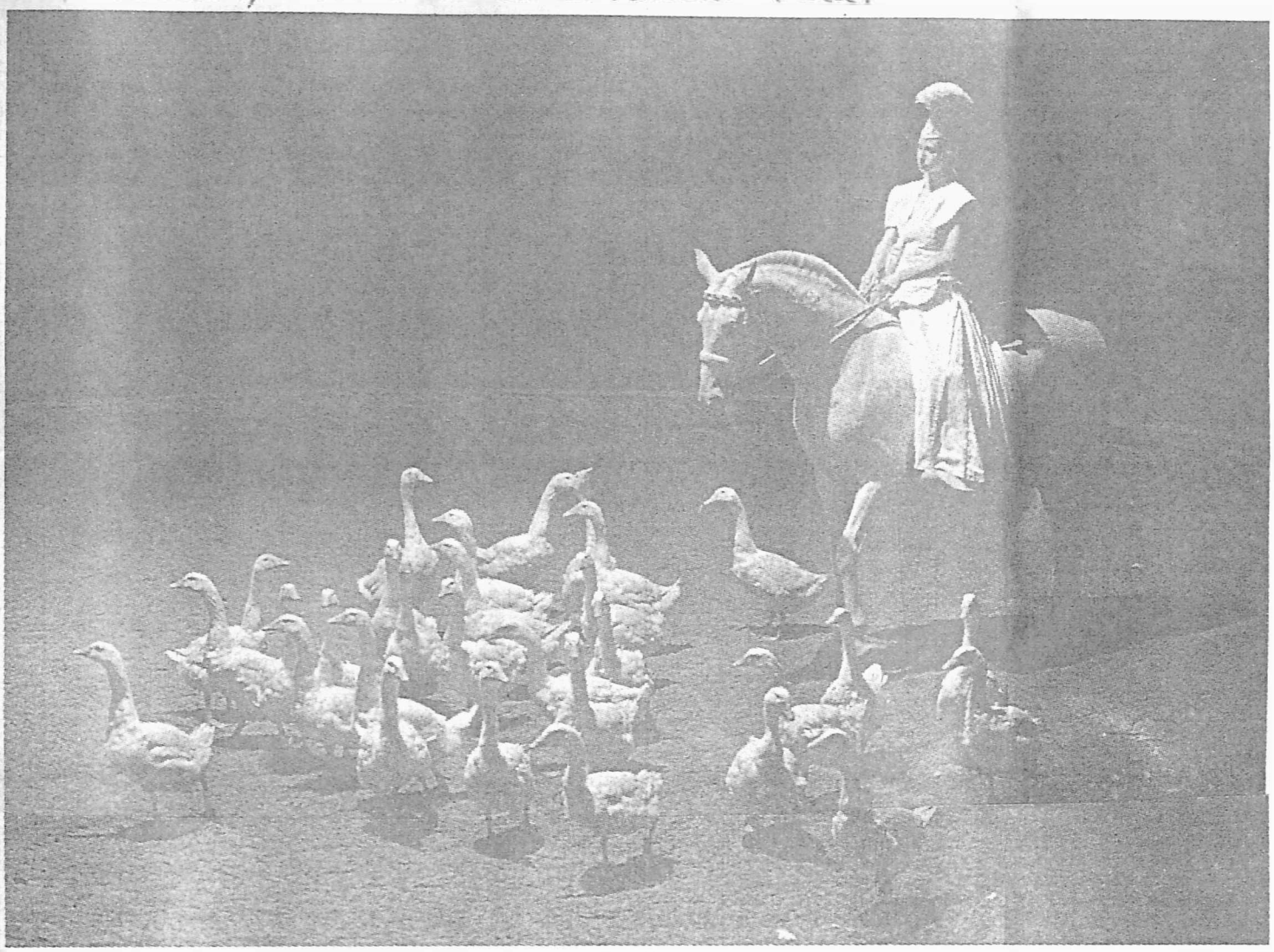
Конная молитва

Театр «Зингаро» показал в Москве мировую премьеру

Коммерсантъ. – 2003. – 27 мая. – с. 22.

В парке Коломенское состоялась мировая премьера спектакля «Кони ветра» французского конного театра «Зингаро» — один из самых амбициозных проектов проходящего в Москве Театрального фестиваля имени Чехова. Руководитель театра Бартабас задействовал в представлении лошадей, наездников, тибетских монахов, осла и даже гусей. Рассказывает РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ.



В спектакле Бартабаса смешались в кучу кони, люди и гуси ФОТО ВИКТОРА БАЖЕНОВА

Зрители, шедшие на спектакль, при спуске с Коломенского холма испытывали дежавю — как и два года назад, во время театральной олимпиады, на берегу Москвы-реки разбит огромный черный шатер-шапито, похожий не то на разлапистое морское чудище, не то на НЛО, не то на четырехглавый храм какого-то неведомого культа; рядом с ним контрастно белеет большая белая палатка-буфет. Но сам спектакль «Кони ветра» существенно отличается от показанного в позапрошлом году «Триптиха». Нет, способ сочинения у Бартабаса остался тот же самый — свободная музыкально-пластическая композиция из вроде бы независимых друг от друга эпизодов с участием лошадей и людей. Но тональность и настрой у новой работы совсем другой. «Триптих» определяла музыка Стравинского и Булеза, он был (что ясно даже по названию) более строго структурирован и был многими по ошибке полюблен как экзотический вариант modern dance с привлечением животных или театрализованный цирк.

Теперь они наверняка станут вытягивать губки трубочкой: «Ску-у-учно!» — и жаловаться, что Бартабас больше их не развлекает. «Кони ветра» идут под почти не прекращающееся живое пение живых тибетских монахов из буддистского монастыря где-то между Индией и Китаем. Специалисты утверждают, что это не горловое пение, за которое принимают саундтрек большинство зрителей, а так называемые «воловьи голоса», но суть не в этом. Монахи, расположившиеся на балкончиках перед двумя походными алтарями, прямо над двумя выходами на арену, «исполняют», в сущности, свои молитвы. Слова и истинный смысл ее для обычного московского (а хоть бы и парижского) зрителя — за семью печатями, и сам строй протяжного, высокого, однообразного звукоряда — не для капризных ушей. Но все-таки «Кони ветра» не рассчитаны на одних только любителей этнографической и конфессиональной экзотики. Потому что Бартабас подкрепляет молитву довольно внятными образами.

Поначалу арена закрыта огромным куполом-крышкой, на котором видны бледные, как будто выцветшие волнистые узоры. Вокруг него расставлены темные человеческие фигуры. И вдруг эта полусфера начинает бесшумно вращаться, точно планета плывет в космическом безвоздушном пространстве. Потом земная твердь оказывается прозрачной, и во чреве ее проступают контуры спрятавшихся там лошадей, не «полезных ископаемых», но, по Бартабасу, носителей истинной сущности. Еще позже края купола, точно полог, отдернутся, и в снопе мощного, исходящего откуда-то сверху света появится человек, танцующий ритуальный танец. И еще позже небесная сфера точно вывернется наизнанку, нависая над печальным всадником. В рифму с этим мотивом «изнаночности» нашего мира прозвучит самый выразительный с точки зрения привычной театральности эпизод представления — наездники и наездницы, стоя на барьере арены, буквально выворачивают наизнанку свою цивильную одежду, в которой они пришли, прежде чем оседлать животных, ждущих на арене людей.

В спектакле совсем немного привычной джигитовки, ритмы его тягучи, через все двухчасовое представление текут невидные энергетические токи. Но эти, следуя физической терминологии, «слабые токи» способны вызвать магнитную бурю в воображении зрителя. Скрытый сюжет «Коней ветра» — схватка за власть над миром между силами, меняющими обличья и прячущими свою сущность. Бартабас устраивает медитацию, которая незаметно сменяется мистерией. В воздухе слышатся благовония, на засыпанной красновато-ржавым песком арене появляются молящиеся и преследуемые, яркие ритуальные маски и маски смерти, но царят тут разномастные лошади — покорные, но сильные, спокойные, но чуткие. Способные, как и в прежде виденных работах Бартабаса, таинственным образом взаимодействовать почти что по законам актерского мастерства.

Впрочем, в одном из эпизодов все внимание публики забирают себе не лошади, а гуси. С гоготом высыпающая на арену стая длинношеих тоже обнаруживает способность к осмысленному коллективному поведению, к некоему подобию «мизансцен». Но вскоре они обретают повелителя — наездницу на белом коне, разбрасывающую корм и заставляющую оголодавших белых гусей в ожидании новой порции крошек крякающей толпой буквально носиться по цирковому кругу за лошадью. Может быть, так Бартабас хотел показать человеческую толпу, жаждущую окормления и принимающую каждого предлагающего корм за настоящего поводыря. Или лучшей наградой создателю «Зингаро» был бы возглас «Тебя бы так!» — один из гусей споткнулся о кромку арены, захромал, и испугавшаяся за птицу зрительница пристыдила своего засмеявшегося соседа.

Неизвестно, что на самом деле вкладывал в каждую из сцен Бартабас. Впрочем, у него в спектакле есть своя линия-соло, вернее, дуэт, потому что он исполняет его на коне. Несколько раз появляется он под куполом на изящно гарцующем, хочется сказать, танцующем скакуне. Задумчивый, безмолвный всадник, явно знающий какую-то важную истину, но не собирающийся ни с кем делиться своим знанием. Его знание о мире наверняка печально и неоптимистично, поэтому весь этот изумительно красивый и изысканный спектакль подернут мрачным, местами даже тягостным настроением. И вот всадник не выдерживает ноши знания. Самая сильная, итоговая сцена спектакля — она же самая простая: внутри полусферы на пустынном песке, склонив голову, сидит Бартабас, а над ним понуро стоит его конь. Затемнение — и вот уже нет человека вовсе, один конь остался. Потом будет еще идейный финал с непохожими друг на друга людьми, разложившими циновки и лежа смотрящими на видео съемки из настоящего Тибета. Но истинный смысл «Коней ветра» лежит вне проблем оккупированной высокогорной страны. Он в том, что лошади обречены пережить своих людей.